

Речь на Церемонии вручения Диплома Почетного профессора Санкт-Петербургской консерватории

Глубокоуважаемые господа!

Находясь в стенах такого учебного заведения, как Санкт-Петербургская консерватория, нельзя не задуматься о широко рассматриваемом понятии **школы**. Школы как учреждения, в которых сосредоточены в одном месте различные творческие индивидуальности и школы, предлагающей определенную программу формирования молодого человека, а также школы как художественного феномена, существующего в музыкальной культуре и в сознании слушателей. Кто же не пользовался в своих рассуждениях или высказываниях такими понятиями, как: немецкая школа или французская, русская школа или польская? Эти понятия заключают в себе много значений и черт, и вызывают различные ассоциации, которые относятся к идее характера или народного стиля: *немецкое* чувство формы, *французская* повышенная восприимчивость окраски звука, *русская* эмоциональность с оттенком патетики.

История Санкт-Петербургской консерватории славится именами выдающихся педагогов-артистов. Антон Григорьевич Рубинштейн (1824–1894), который 1859 году основал Русское Музыкальное Товарищество, а в 1862 году Консерваторию в Санкт-Петербурге, директором которой он стал, хорошо известен польской музыкальной среде. Прекрасный пианист, он выступал с концертами с выдающимся польским виртуозом скрипачом Генриком Венявским, который также был соучредителем консерватории.

Важно подчеркнуть создание Рубинштейном пианистической школы, которая оказала огромное влияние на музыкантов не только в России, но и за ее пределами.

Среди учеников Николая Андреевича Римского-Корсакова, профессора Санкт-Петербургской консерватории, чье имя она носит, были такие будущие композиторы, как Игорь Стравинский или Сергей Прокофьев, которые оказали огромное влияние на развитие музыки. В числе воспитанников Римского-Корсакова был также и польский композитор Витольд Маллишевский — педагог Витольда Лютошевского.

В понятие **школы** входит также понятие **традиции**, идеала, сформированного в течение многих лет и передаваемого из поколения в поколение. Я многократно обращал внимание на то, что нельзя начинать музыку

с начала, ее можно только продолжать, творчески перерабатывая, находя свой собственный путь и внося в существующие каноны традиций новые оригинальные достоинства.

Симфонии Петра Ильича Чайковского характеризует отличительная индивидуальность, но она также исходит из симфонической традиции России.

Метко представил свое отношение к традиции Кароль Шимановский, 125-летие со дня рождения и 70-летие со дня смерти которого отмечает Польша в рамках этого года его имени. Шимановский писал в письме (Тыמושка, 04.12.1910) своему другу теоретику музыки Здиславу Яхимецкому, одному из создателей польской школы теории музыки: «Когда люди, в конце концов, поймут, что самозарождающегося искусства нет, что каждый художник это аристократ, который должен иметь за собой также двенадцать поколений, состоящих из Бахов и Бетховенов — если речь идет о композиторе, и Софоклов и Шекспиров — если речь идет поэте».

С понятием **русской школы** связывается интегрально понятие **симфонизма**, которое в свою очередь связано с понятием **музыкальной драматургии**, развиваемым в русской музыкально-теоретической и музыкально-гуманистической мысли. Стоит сослаться на выдающегося музыковеда, друга Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, Ивана Соллертинского. В своих работах Соллертинский рассматривал музыкальную драматургию во взаимосвязи с тремя хорошо известными жанровыми категориями: категорией лирики, категорией эпики и категорией драмы. Все это мне очень близко. Драматургия симфонии содержит повествовательные элементы, как в повести; элементы размышления, рефлексии в виде монолога или признания, как в лирической песне, а также драматические элементы, сущностью которых является конфликт, столкновение и даже борьба. После известного высказывания Густава Малера, что симфония означает «строительство мира», трудно, занимаясь созданием симфонии, думать только категориями чисто звуковыми. Поэтому в своей VIII симфонии «Песни брэнности» я обратился к поэтическим текстам, чтобы с помощью метафоры дерева представить жизнь человека.

Русский музыковед Марк Арановский в своей книге «Симфонические искания» интерпретировал цикл симфонии как представление человечес-

кой жизни, а последовательность частей симфонии как формы поведения в разных «обличьях»: homo agens в стремительной первой части, homo sapiens в медленной второй части, homo ludens в развлекательной скерцозной третьей части и homo communis в финальной четвертой части, имеющей характер обобщения — в ней происходит слияние сюжетов предыдущих частей.

Этого рода концепция представляет, что симфония может быть искусством метафоры, которое является соответствующим символом сущности человеческого.

В XX веке симфония укрепила свою позицию отличительного жанра — формы, которая имеет значение. Этому способствовал в значительной степени великий симфонист и провидец Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Его симфонизм является свидетельством многогласного и многоуровневого «строительства мира». Я не скрываю, что он оказал на меня огромное вдохновляющее воздействие. В 1966 году здесь, в Ленинграде, я в первый раз услышал две симфонии Шостаковича под руководством знаменитого Евгения Мравинского, интерпретации которого подчеркивали совершенную гармонию двух начал: интеллектуального и эмоционального.

Но о специфике **русской школы** свидетельствует также особое чувство юмора. Примером может служить музыка Сергея Прокофьева, которому ирония и гротеск позволили создать видимость существования свободного художника. Я использовал игру и развлечение композиторскими стилями и оперными условностями в «Короле Убу», с определенной дистанции отражая историю музыки в кривом зеркале.

В понятие **школы** входит также понятие **переживания**, которое является обязательным условием занятия творческим трудом, созидания искусства. Искусства, являющегося выражением цельного человека, который в поисках собственного места черпает силы и вдохновение из наследия культуры, который связан с определенной эстетической средой, отбрасывает навязанные ему шаблоны и устанавливает собственные правила игры.

Именно такой тип художника формировала Санкт-Петербургская консерватория. Поэтому для меня является большой честью оказаться в числе выдающихся профессоров этой консерватории, которая пользуется заслуженной славой.